

УДК 94 [(470+571) : 560] «185»

**К. А. Русаков, Р. С. Козлов**

**ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ РАЗВЯЗЫВАНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.  
МИССИЯ КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ**

На протяжении всего XIX в. отношения между Россией и западноевропейскими державами были крайне неровными и противоречивыми. Значительное военно-экономическое развитие России в царствование императора Николая I, чрезмерное, по мнению многих европейских, прежде всего – английских и французских политиков, усиление русского влияния в Османской империи, привело к постепенному обострению Восточного вопроса. В 1854 г. кризис перерос в открытое противостояние, когда Великобритания, Франция и Сардинское королевство вмешались в войну между Россией и Турцией на стороне последней. В мировой историографии эта война получила название Крымской или Восточной войны.

Крымская война всегда вызывала интерес историков. Это и неудивительно, ведь она привела к краху Венской системы международных отношений, созданной на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Огромное значение эта война имела для внутренней и внешней политики России. Крымской войне посвящен целый ряд исследований, которые рассматривают различные ее аспекты [1]. Однако, на наш взгляд, недостаточное освещение получил такой интересный эпизод, ставший одним из ключевых в развязывании Крымской войны, как миссия князя А. С. Меншикова в Константинополь.

Поводом к развязыванию Крымской войны стал конфликт между Россией и Францией по вопросу о "святых местах", т.е. храмах Вифлеема и Иерусалима. Конфликт возник в 1850 г., и к началу 1853 г. необычайно обострился. Наполеон III, еще будучи президентом Французской республики, заявил турецкому правительству, что желает сохранить и возобновить все подтвержденные Турцией еще в 1740 г. права и преимущества католической церкви в "святых местах". Султан Абдул-Меджид согласился, но со стороны русской дипломатии последовал решительный протест с указанием на преимущества православной церкви перед католической на основании условий Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. Николай I считал, что уступка Франции в этом вопросе будет расценена как признак слабости государства, которым он управляет. Но, по существу, эти пререкания не интересовали ни Наполеона III, ни императора Николая. И для того и для другого речь шла о более серьезном вопросе. Для Наполеона III конфликт на Ближнем Востоке, хотя бы под предлогом ссоры из-за святых мест, был нужен, чтобы отколоть Великобританию и Австрию от России: именно на Ближнем Востоке их интересы расходились с интересами Николая I.

Кроме того, крупный внешнеполитический успех должен был бы укрепить позиции Наполеона во Франции. Для русского императора вопрос о святых местах тоже был очень удобным и популярным предложением для ссоры, но не с Францией, а с Османской империей. Незаметно дело о святых местах переплелось с выдвинутыми Николаем I претензиями не только защищать права православной церкви в храмах Вифлеема и Иерусалима, но и стать признанным самой Турцией защитником всех православных подданных султана, т.е. получить право постоянного вмешательства во внутренние турецкие дела.

В начале 1853 г. спор резко обострился. Султан и его министры, под прямым давлением французской дипломатии, стали упорствовать в переговорах с Россией и в то же время удовлетворили большинство французских требований по вопросу о святых местах.

9 января 1853 г. на вечере у великой княгини Елены Павловны, на котором присутствовал дипломатический корпус, император Николай подошел к британскому послу сэру Джорджу Гамильтону Сеймуру и повел с ним очень важный разговор. Николай I в основном повторил то, что говорил в 1844 г. во время визита в Великобританию. Он сразу же перешел к тому, что Турция "больной человек". "Знайте, – говорил он послу, – у нас на руках больной, тяжело больной человек; было бы большим несчастьем если бы ему удалось теперь ускользнуть от нас, особенно до принятия необходимых мер" [Цит. по: 2, с.80–81]. "Теперь я хочу говорить с вами как друг и джентльмен. Если нам удастся прийти к соглашению – мне и Англии – остальное мне не важно, мне безразлично, что делают или сделают другие. Итак, говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Я не приписываю вам этих намерений, но в подобных случаях предпочтительнее говорить ясно. Со своей стороны, я равным образом расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя – дело другое. Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь, если ничего не окажется предусмотренным, если нужно будет все предоставить случаю. Ни русские, ни англичане, ни французы не завладеют Константинополем. Точно также не получит его Греция. Я никогда не допущу этого". Император продолжил: "пусть Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария поступят под протекторат России. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу вполне сказать, что, если при распределении оттоманского наследства после падения империи, вы овладеете Египтом, то у меня не будет возражений против этого. Тоже самое я скажу о Кандии (о. Крит). Этот остров может быть подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением". Прощаясь с послом, Николай I сказал: "Так побудите же ваше правительство снова написать об этом предмете, написать более полно, и пусть оно сделает это без колебаний. Я доверяю

английскому правительству. Я прошу у него не обязательства, не соглашения: это свободный обмен мнений... Для нас этого достаточно" [Цит. по: 3, с.434].

Британский посол был приглашен к императору Николаю уже через 5 дней. Второй разговор состоялся 14 января, третий – 20 февраля, четвертый и последний – 21 февраля 1853 г. Смысл всех этих разговоров был ясен: император предлагал Великобритании вдвоем с Россией разделить Османскую империю.

Начиная эти разговоры с британским послом, Николай I совершил три роковые ошибки: во-первых, он очень легко сбросил со счетов Францию, считая, что эта держава еще слишком слаба после пережитых в 1848–1852 гг. переворотов, и что новый французский император не станет рисковать, ввязываясь в далекую и ненужную ему войну. Во-вторых, он был абсолютно убежден, что Австрия не окажет никакого сопротивления его планам, и будет вечно ему благодарна за свое политическое выздоровление в 1849 г. На вопрос Сеймура об Австрии, Николай I, ответил, что Австрия это тоже, что и он, Николай. В-третьих, он совсем неправильно представил себе, как будет принято его предложение английским правительством.

9 февраля из Лондона пришел ответ. Ответ был резко отрицательный. Глава Форин офис лорд Джон Россель писал, что не видит причин, по которым Турция близка к падению. По его мнению, когда английский король Вильгельм III и французский – Людовик XIV заключили соглашение по поводу испанского наследства, то они могли предвидеть близкую смерть безнадежно больного испанского короля Карла II. Но можно ли с такой же уверенностью утверждать, что скоро наступит распад Османской империи? Нет, нельзя. А если так, то стоит ли Англии и России уже сейчас заключать какие-либо соглашения о ее судьбе? Нет, не стоит. Переходя к спору о "святых местах", лорд Россель отмечал, что этот спор совершенно не касается Турции, а только России и Франции. Дальше, по всем пунктам Лорд Россель выражал полное несогласие с Николаем I, в частности, насчет возможности временного перехода Константинополя в руки России. Наконец, Россель подчеркнул, что и Франция и Австрия отнесутся подозрительно к подобному англо-русскому соглашению [4, с.146].

Министр иностранных дел Российской империи граф К. В. Нессельроде, встретившись с Сеймуром 21 февраля, попытался успокоить британское правительство. Он заявил послу, что его беседы с императором имели частный характер. Вообще же речь идет не о том, чтобы угрожать Турции, а, напротив, о том, чтобы ее защищать от возможных покушений со стороны Франции.

После отказа Великобритании перед императором открылось два пути: либо просто отложить затеваемое предприятие, либо идти напролом. Если бы Николай I думал, что на сторону Англии станут Франция и Австрия, тогда нужно было выбирать первый путь. Если же

считать, что Франция и Австрия не поддержат Великобританию, тогда можно идти напролом, так как император прекрасно понимал, что Великобритания без союзников воевать с ним не решится. Но все расчеты Николая I именно на том и строились, что прочного сближения между Францией и Великобританией быть не может.

А между тем, в то самое время, когда император Николай в Петербурге вел разговоры с Сеймуром, другой император – Наполеон III писал письмо недавно вышедшему в отставку министру иностранных дел Великобритании лорду Мэмсбери: "Мое самое ревностное желание поддерживать с вашей страной, которую я всегда так любил, самые дружеские и самые интимные отношения", и Мэмсбери отвечал, что пока будет существовать союз Англии и Франции, "обе эти страны будут всемогущи" [4, с.147].

В Лондоне знали об этом ошибочном мнении русского императора относительно невозможности сближения Великобритании и Франции. И сторонники антирусской линии в правительстве Дж. Эбердина, во главе с лордами Пальмерстоном и Кларендоном, очень хорошо понимали, до какой степени эта ошибка опасна Николаю I, и делали все возможное, чтобы утвердить его в этом заблуждении. И в этот момент, один за другим, из Лондона стали приходить самые дружелюбные депеши, советы, мнения английских министров, послов и разного рода ответственных людей.

Конечно, в какой-то момент посол России в Лондоне Ф. И. Бруннов и канцлер К. В. Нессельроде стали догадываться, что император ошибается, что союз между Англией и Францией возможны и, более того, на лицо явные признаки их сближения. Но, никто из них не рискнул своей карьерой, чтобы, может быть, и, вызывая гнев монарха, открыть ему глаза на ошибочность его мнения, и попытаться свернуть его с опасного пути, на который он вступил. Царедворцы в них оказались сильнее патриотов.

Итак, получив отказ Великобритании, кругом сбитый с толку, император Николай решил идти напролом и, наконец, разрешить Восточный вопрос согласно своим интересам. Решив снарядить в Турцию чрезвычайное посольство, император стал подыскивать кандидата на роль его главы. Два крупных дипломата, А. Ф. Орлов и П. Д. Киселев, отклонили это предложение. Затем выбор пал на князя А. С. Меншикова, известного в петербургском свете не только своим остроумием и честностью, но и полным дилетантством в дипломатии.

Князь Меншиков пользовался давнишним и прочным фавором у императора Николая. На протяжении более двадцати лет Меншиков побывал и начальником морского ведомства, удивляя моряков полным незнанием дела, и одновременно он был финляндским генерал-губернатором, не интересуясь Финляндией даже в качестве туриста. И теперь, в 1853 г., столь же бестрепетно, без всяких колебаний, согласился ехать чрезвычайным послом в Турцию. От природы он был, бесспорно,

умен и очень образован. "Усталый циник и сибарит, знавший и презиравший поголовно все окружение царя, не дававший себе труда поразмыслить, можно ли стране при подобных внутренних порядках рисковать тяжелой войной, Меншиков понял, что царь рассчитывает воевать только с Турцией, а вовсе не с Европой, и он очень охотно, с легким сердцем, решил поспособствовать скорейшему исполнению царских тайных чаяний" [Цит. по : 4, с.158]. Что Турция в этой дуэли один на один с Россией будет разгромлена, князь ничуть не сомневался. За дипломатическими переговорами он до сих пор не следил, потому что ему было неинтересно. Перед отъездом он только осведомился, кто из турецких министров стоит на стороне французов, чтобы знать, кого немедленно прогнать с должности. С султаном Абдул-Меджидом князь решил не церемониться. С канцлером Нессельроде поговорить подробно князь не нашел времени.

Уезжающему в Константинополь князю К. В. Нессельроде вручил инструкцию о том, чего хочет добиться Россия в вопросе о святых местах. Но А. С. Меншиков ни в каких инструкциях не нуждался. Он и без того понимал, что если царь добьется даже полностью удовлетворения всех своих домогательств по части церкви путем переговоров, то им, Меншиковым, в Петербурге будут довольны наполовину. Но если он привезет с собой из Константинополя достаточный предлог для занятия Молдавии и Валахии, то им будут уже вполне удовлетворены [4, с.154].

28 февраля 1853 г. "Громоносец" причалил к берегу Босфора, и русский посол сошел на берег. Началась дипломатическая игра, которая при сложившейся расстановке сил могла окончиться кровавой развязкой.

В первые дни пребывания Меншикова в Константинополе английским поверенным в делах был полковник Роз, но вскоре его сменил вновь назначенный английский посол лорд Стрэтфорд-Рэдклиф.

С этого момента уже не один, а два дипломата в Константинополе изо всех сил вели дело к разрыву отношений и к войне между Россией и Турцией: князь Меншиков и лорд Стрэтфорд. Но делали они это по-разному: Меншиков совершенно открыто, лорд Стрэтфорд осторожно, исподволь, наперед намечая последовательные этапы затейного предприятия. Еще до появления Стрэтфорда в столице Турции произошло огромной важности событие, очень облегчившее Стрэтфорду его дело: французский военный флот внезапно получил приказ отплыть из Тулона в турецкие воды.

Меншиков должен был ознакомить султана непосредственно с волей Николая I. Явившись к султану, Меншиков прежде всего вручил ему письмо своего повелителя от 24 января 1853 г. Письмо было вежливое, но содержало угрозу. Царь приглашал султана соблюдать "освященные веками права православной церкви" и поразмыслить над последствиями отказа князю Меншикову в требованиях, которые он представит. Вина возлагалась на "неопытных и зложелательных

министров", которые скрыли от султана последствия отказа от уже данного турецким правительством фирмана. Другая мысль царского послания заключалась в том, что если какая-либо держава будет настаивать на неисполнении султаном его обещания и будет угрожать Турции, то "царь сделает еще более тесными" узы "союза", уже существующего между ним и султаном, – и это русско-турецкое соглашение положит конец "претензиям и домогательствам, не совместимым с независимостью" султана и "внутренним спокойствием" его империи [4, с.164]. Другими словами, султану предлагалось заключить союз с Россией, направленный непосредственно против Франции.

В полной логической связи с основными пунктами царского письма были и представленные Меншиковым две бумаги: проект желательной царю конвенции с Турцией и проект секретного соглашения на случай, если бы "какая-либо европейская держава" вздумала препятствовать султану выполнить свои обещания, данные императору Николаю. В этом случае Россия обязывалась прийти на помощь Турции всеми своими морскими и сухопутными силами.

Этот документ ясно показал и султану и дивану, что опасность грозит им неминуемая. А главное – при любой войне, в союзе ли с Турцией или против Турции – Оттоманская держава должна была подвергнуться разгрому и разделу, причем львиная доля могла достаться России. А кончалась бумага прямой угрозой: дальнейшее противодействие со стороны турецких министров может повлечь "самые серьезные последствия, как для благосостояния Турции, так и для мира всей Европы".

Сверх того, в этой врученной 16 марта новому министру иностранных дел Рифаат-паше большой вербальной ноте Меншиков требовал, весьма категорически, чтобы султан взял обратно некоторые сделанные им уступки "латинянам" (католикам). Нота в очень энергичных выражениях жаловалась на "недоверие и недобросовестность" турецких министров, на то, что они доверяют "интригам и инсинуациям" и т. п. Не успела и неделя пройти, как посланник императора Николая уже снова обратился к туркам с угрожающей нотой, и притом с новыми ультимативно изложенными требованиями. Вот что прочел он вслух Рифаат-паше 22 марта 1853 г.: "Требования императорского правительства – категоричны". А еще через два дня последовала третья нота, еще более резкая и угрожающая. Меншиков жаловался на оскорбление, чинимое российскому императору, на "систематическую и злостную оппозицию в совете султана против действий нашего государя" и требовал "быстрой и решительной сатисфакции и исправления всех обид". И вот Меншиков представил в виде приложения к этой вербальной ноте от 24 марта проект конвенции [3, с.439].

Что касается турок, то они держали постоянную связь с английским и французским посольствами и с каждым днем все более убеждались в том, что на этот раз их не оставят без поддержки.

Появление французского флота в турецких водах с логической неуклонностью влекло за собой аналогичное действие со стороны Англии. А следующим неизбежным последствием прибытия к берегам Турции соединенной эскадры двух величайших морских держав был провал всех надежд на мирное разрешение русско-турецкого конфликта.

С первого же момента, когда Европа узнала о готовящемся посольстве Меншикова, между английской и французской дипломатией существовал тесный контакт и было заключено соглашение, по которому обе стороны осведомляли друг друга о всех своих шагах, касающихся восточных дел. 5 апреля 1853 г. лорд Стрэтфорд-Рэдклиф прибыл в Константинополь и начал свою дипломатическую игру.

Стрэтфорд не только делал вид, будто он в эти первые времена после своего прибытия нисколько не интригует против России и всячески хочет уладить конфликт мирным путем, – но он в таком духе посылал и донесения в Лондон, зная, как не любит излишней поспешности глава кабинета лорд Эбердин.

Он очень ловко совершил нужный ему, крайне важный подлог при пересылке в Лондон копии текста русской ноты. Именно: в статье 1 говорится, что русское правительство получает право, как и в прошлом, делать представления (турецкому правительству) в пользу церкви и духовенства, а Стрэтфорд-Рэдклиф вместо делать представления ввернул от себя: давать приказы. Это сообщало всей ноте дерзкий, повелительный, вызывающий характер.

Также Стрэтфорд советовал великому визирю уступать Меншикову по всем пунктам, касающимся "святых мест", кроме двух: 1) не соглашаться на то, чтобы эти уступки были выражены в форме сенеда, соглашения султана с Николаем, т. е. документа, имеющего международно-правовое значение, и 2) чтобы формулировка этих уступок не заключала в себе права царя вмешиваться в отношения между султаном и его православными подданными. Стрэтфорд тут вел совершенно беспроницательную игру: он твердо знал, что не за тем послан Меншиков, чтобы уехать только с фирманом султана о православной церкви и "святых местах", и что именно, получив всевозможные уступки по этому вопросу, царский посол принужден будет так или иначе выявить чисто завоевательные намерения своего повелителя.

Почти весь апрель прошел в довольно мирных переговорах Меншикова с турками и в обмене проектами соглашений по вопросу о "святых местах". В итоге, случилось именно так, как Стрэтфорд рассчитал. 5 мая Рифаат-паша послал Меншикову подписанные султаном два фирмана, дававшие полнейшее удовлетворение всем домогательствам Николая I касательно "святых мест".

В тот же день князь Меншиков заявил протест. В своей ноте от 5 мая он указывал, прежде всего, на то, что его основные требования ничуть не удовлетворены: не даны "гарантии на будущее время", а это "составляет главный предмет забот Его Величества императора". Поэтому князь снова заявил, что новый фирман о "святых местах" должен иметь "значение формального обязательства (султана. – *К. Р., Р. К.*) относительно императорского правительства". Затем – требовалось подтверждение всех старинных и новых прав, привилегий и преимуществ православной церкви и духовенства, греческого патриарха и епископов, причем подчеркивалось, что отныне Порты должна все эти права и преимущества признавать и соблюдать во имя уважения "к совести и религиозным убеждениям исповедующих этот (православный. – *К. Р., Р. К.*) культ" [4, с.175]. Меншиков сопроводил эту ноту заранее составленным проектом требуемого им сенеда, договора между царем и султаном. В этом проекте – шесть пунктов, но наиболее неприемлемыми для турок были два: форма международно-правового обязательства султана пред царем и фактическое право вмешательства царя в дела "исповедующих православный культ", т. е. приблизительно половины населения Турции, не говоря уже о делах греческого патриархата. Отправляя Рифаат-паше эту протестующую ноту и проект сенеда, А. С. Меншиков давал для ответа 5-дневный срок – 10 мая. "Посол мог бы рассматривать более долгий срок только как неуважение относительно его правительства, что возложило бы на него самые тягостные обязанности" [4, с.176]. Другими словами, князь ставил ультиматум и грозил разрывом сношений и отъездом из Константинополя.

В ночь с 13 на 14 мая произошло заседание дивана. После заседания Решид-паша поспешил повидаться с Меншиковым и уведомил его, будто он, Решид, произнес длинную речь, горячо советуя товарищам подчиниться всем требованиям России. Тотчас же после свидания с Меншиковым Решид-паша повидался с лордом Стрэтфордом-Рэдклифом и сообщил ему правду, т. е. что в длинной речи, которую действительно произнес, он решительно советовал султану отклонить русские требования.

Вечером 14 мая Решид-паша со Стрэтфордом вдвоем составили ответ Меншикову, который должен был быть вручен русскому послу от имени султана. 15 мая утром Решид-паша снова виделся с Меншиковым, но не решился сразу уведомить его об отказе, а к вечеру Меншиков получил от Решиды бумагу, в которой турецкий министр просил об отсрочке на шесть дней для окончательного ответа.

15 мая вечером Меншиков отправил Решид-паше ноту, в которой уведомлял его, что он принужден разорвать дипломатические отношения с Высокой Портой. Но, принимая во внимание, что Решид-паша лишь совсем недавно вступил в должность, и в надежде на благое "просвещающее" действие, которое окажет Решид-паша, князь



Меншиков согласен еще отложить свой отъезд. Он просил Решид-пашу взвесить "неисчислимыя последствия и великия несчастья", которые падут на голову министров султана, если они будут продолжать упорствовать.

Уже в тот же день, 15 мая, князь Меншиков с частью посольского персонала переехал на привезший его в Константинополь военный пароход "Громомосец", стоявший у Буюк-дере. Все население турецкой столицы было охвачено волнением. Лорд Стрэтфорд-Рэдклиф и французский посол Лакур ежедневно – и 13, и 14, и 15, и 16 мая – доводили до сведения султана и его министров, что Турция будет поддержана Англией и Францией. Отныне они смело могли не обращать никакого внимания на русские требования и не бояться главной угрозы – занятия Дунайских княжеств. Британский посол ручался, что "Европа вступится" и что турецкое торжество обеспечено. А туркам даже и воевать не придется!

18 мая Решид-паша побывал у Меншикова, предлагая ему снова гарантии насчет "святых мест", издание фирмана, гарантирующего греческому патриарху все, что желает царь для православной церкви, и даже специальный договор с Россией, уступающий России место для построения русской церкви и странноприимного заведения в Иерусалиме. На это, по собственным словам Меншикова, последовал со стороны его "сухой и категорический отказ". 21 мая 1853 г. Меншиков приказал капитану "Громомосца" отчаливать. К вечеру пароход покинул Босфор и вышел в море, направляясь к Одессе. Крымская война стала неизбежной.

Таким образом, если первый шаг к войне был сделан русским императором, который в январе 1853 г. начал с Великобританией переговоры о разделе Турции, то второй крупный шаг к войне был сделан при переговорах Решид-паши с царским посланцем князем Меншиковым, при самом деятельном соучастии и подстрекательстве британского посла Стрэтфорда-Рэдклифа, всецело забравшего в свои руки султана и Решид-пашу. После отбытия Меншикова из Константинополя, "Крымская ловушка", в которую завлекли Россию британская и французская дипломатия, а также ошибочная оценка международной ситуации императором Николаем, захлопнулась. Годы придворной лести и постоянных внешнеполитических успехов привели к тому, что ранее свойственные императору природная интуиция, чувство реальности и умение адекватно оценивать обстановку, уступили место небывалой самоуверенности и непререкаемости своих решений. Он так и не понял, что внешнеполитические успехи России вызывали на Западе не только боязнь дальнейшего роста ее могущества, но и желание ослабить Россию объединенными усилиями западноевропейских держав.

**Литература**

1. См., напр.: **Тарле Е. В.** Сочинения / Е. В. Тарле. – М.: Из-во Академии наук СССР, 1959– . – Т.VIII–IX. Крымская война. – 1959; История дипломатии. – М.: ОГИЗ Гос. Соц.-Эконом. Из-во, 1941– . – Т.I. – 566 с.; Виноградов В. Н. Николай I в "Крымской ловушке" / В.Н.Виноградов // Новая и новейшая история (далее – НИИ). – 1992. – №4. – С.27–40; Кипянина Н. С. Внешняя политика Николая I / Н. С. Кипянина // НИИ. – 2001. – №2. – С.139–152. 2. **Дебидур А.** Дипломатическая история Европы, 1814–1878 / А. Дебидур. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995– . – Т.П. – 1995. – 605 с. 3. **История** дипломатии. – М.: ОГИЗ Гос. Соц.-Эконом. Из-во, 1941– . – Т.I. – 566 с. 4. **Тарле Е.В.** Сочинения / Е. В. Тарле. – М.: Из-во Академии наук СССР, 1959– . – Т.VIII. Крымская война. 1959. – 683 с.

**Русаков К. А., Козлов Р. С. Дипломатическое развязывание Крымской войны. Миссия князя А. С. Меншикова в Константинополь**

Статья посвящена истории дипломатической подготовки Крымской войны и посольства князя А. С. Меншикова в Константинополь.

*Ключевые слова:* Россия, Турция, Великобритания, Николай I, князь Меншиков.

**Русаков К. А., Козлов Р. С. Дипломатичне розв'язування Кримської війни. Місія князя О. С. Меншикова до Константинополя**

Стаття присвячена історії дипломатичної підготовки Кримської війни та посольства князя Меншикова до Константинополя.

*Ключові слова:* Росія, Туреччина, Великобританія, Микола I, князь Меншиков.

**Rusakov K. A., Kozlov R. S. Diplomatic outbreak of the Crimean war. Prince Menshikov's mission to Constantinople**

The article is devoted to the Crimean War diplomatic background and Prince Menshikov's mission to Constantinople.

*Keywords:* Russia, Turkey, Great Britain, Nicolas I, Prince Menshikov.